

НАРОДНЫЕ ПЕВЦЫ И МУЗЫКАНТЫ

Ю. КРАСОВСКАЯ

СКАЗИТЕЛИ
ПЕЧОРЫ

I 645289

Всесоюзное издательство
СОВЕТСКИЙ КОМПОЗИТОР
Москва 1969

Редактор-составитель серии
В. С. ВИНОГРАДОВ

В устном творчестве русского народа, как и в фольклоре других европейских и азиатских народов, эпос занимает одно из центральных мест. Время создания русских эпических песен-сказов, былин¹ скрыто в глубине веков.

До нас дошли былинные сюжеты, созданные и переработанные в эпоху Киевской Руси (VIII—XII вв. н. э.). Богатыри киевского цикла былин², как правило, связаны с исторической личностью князя Владимира, они «караулят, хранят стольнёй Киев-град».

Другой цикл русских былин (по географическому и временному признакам) — цикл новгородский. К нему принято относить былины о Василии Буслаевиче, о торговом госте Садко, о пахаре-богатыре Микуле Селяниновиче и Хотене.

Былины новгородского круга очень живо отражают быт, нравы и обычаи свободной северной вечевой республики, с ее пирами, заморскими путешествиями, торговлей, мятежами и всенародными сборищами.

Первые текстовые записи былин встречаются в рукописных сборниках XVII в. Первые записи былин — как

¹ В народе их чаще всего называют «старинами».

² Глава богатырей — старый казак Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Иван Годинович, Дюк Степанович, Чурило Плёнкович, Дунай и другие.

текстовые, так и нотные — относятся ко второй половине XVIII в. Это знаменитый сборник народных песен Кириши Данилова, опубликованный с большими сокращениями на грани XVIII и XIX вв. и лишь через сто лет после этого — полностью. Былины Дона и Поволжья содержатся в первых выпусках «Песен, собранных Киреевским».

Но лишь «открытие» в 1860-х годах П. Н. Рыбниковым Заонежья¹ — богатейшего очага русского эпоса — и запись лучших образцов былин от замечательных сказителей (таких, как Т. Г. Рябинин) положили начало систематическому собиранию и изучению одного из ведущих жанров русского народного творчества.

Собирание и изучение русского эпоса значительно расширились в советский период. «Донские былины» А. М. Листопадова, «Былины М. С. Крюковой», «Пудожские былины», двухтомное издание «Былины Севера» А. М. Астаховой, «Былины Печоры и Зимнего берега» под общей редакцией Астаховой — вот далеко не полный перечень трудов, посвященных этому жанру.

Но, к сожалению, в них очень мало внимания уделяется напевам. Между тем именно совокупность поэзии и музыки составляет единый, неделимый, глубоко своеобразный организм былины. Считать музыку второстепенным, сопутствующим элементом былины — значит исказить истинный характер и облик этого жанра.

Как нельзя более конкретно говорят об этом сами старики-сказители: «Кажется, чего уж там трудного: сказывать — не брёвна здымать... А поди ж ты! Без мотиву не ладно сказкой «старину» сказывать. Затруднительно: будто мешают что; слово на слово наскикиват. Надо ее петь».

¹ Заопежье, в бывшей Олонецкой губернии, ныне Карельская АССР.

Впервые открыл, записал и опубликовал былины Печоры Н. Е. Ончуков¹ в начале XX в. Но первая фонографическая запись былинных напевов Печоры произведена лишь в 1929 году Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, и их нотации помещены в I томе «Былин Севера» А. М. Астаховой (М.-Л., 1938). Из последующих записей ленинградских экспедиций 1942, 1955 и 1956 годов 26 нотаций вошло в академическое издание «Былины Печоры и Зимнего берега» (М.-Л., 1961).

В 1962—1965 годах р. Печору, от ее верховья до низовий, тщательно обследовал в поисках эпоса Д. М. Балашов, записавший от шести исполнителей 10 былинных текстов с напевами². Летом 1965 года на Печору выехала комплексная экспедиция Всесоюзного Дома звукозаписи «Мелодия» и Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР и Московского СК. Экспедиция осуществила девять записей былин (в том объеме, в каком их исполняют) от пяти сказителей, которым и посвящается предлагаемый вниманию читателей очерк.

«Печора по длине и многоводности одна из крупнейших рек Европы. Гигантскими зигзагами протекает она вдоль Урала, сквозь густые сосновые леса, и, выходя в тундру, впадает в Ледовитый океан — «Студеное море» наших предков. ...Печора — древняя река. Русские поселились в ее верховьях от Троицко-Печерска и выше. Тут, за живописными селами Курьей и Уньей, в ле-

¹ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904 (в дальнейшем — Ончуков).

² Вместе с вариантами 13 записей.

сах, прятались староверческие скиты, отсюда недалеко и до купеческой «кондовой» Чердыни, а там и до Соликамска. Середину реки занимают коми, охотники и скотоводы, по старому именованию «зыряне», крещенные некогда Стефаном Пермским, а позднее принявшие старую веру вместе с русскими печорцами. От русских коми переняли многие детали быта, одежды, планировки изб, а также старинные крестьянские песни, которые местные женщины перенимали на слух, не зная русского языка. В низовьях, от Усть-Цильмы, вновь пойдет русское население, потомки новгородцев... Ниже по реке начинается тундра, там ходят оленеводы, ненцы, по-старому самодины... А уже в низовьях, близ современного Нарьян-Мара, был город Пустозерск, место царской ссылки еще при Иване Грозном, последнее пристанище неистового протопопы Аввакума, защитника старой веры и одного из талантливейших писателей Руси»¹.

Первое упоминание о нерусском населении Печоры встречается в «Повести временных лет» XI в. В то время сюда регулярно наезжали новгородцы, взимавшие дань. В рукописях XIV в. есть сведения о населении Печоры. Так, Елифаний писал, что в верховьях проживают вогуличи, а в низовьях — печера. Зарождение села Усть-Цильмы, расположенного напротив устья р. Цильмы, на правом берегу р. Печоры (центр нынешнего Усть-Цилёмского р-на), датируется примерно 1544—1545 гг. Первыми жителями слободы были несколько новгородских семей. Со временем к ним присоединились выходцы с Мезени, Пинеги, Северной Двины и др. Русские обосновывались в слободе всерьез и навсегда: по Печоре и

¹ Д. Балашов. Печора и ее сказители. Журнал «Север», 1965, № 3, стр. 73—84.

притокам были выстроены промысловые избышки — «заимки», а в 1547 году уже сооружена церковь «во имя Николы Чудотворца».

Массовое переселение крестьян на Север, в частности в Усть-Цильму, было связано с церковным расколом и жестокими преследованиями старообрядцев. Уже в XVIII в. Усть-Цильма становится центром печорского старообрядчества. Из устных свидетельств известно, что в числе «пришлых» были беглецы из Москвы, Новгорода, из Нижнего Новгорода.

Многие из них рассеиваются по глухим местам р. Пижмы, основывают «выселки». В 130 верстах вверх от устья р. Пижмы в 30-х годах XVIII в. возникло историческое «Великопоженское общежительство» (скит), о котором Н. Е. Ончуков пишет: «Скит этот почти сто лет был единственным просветительным местом на Печоре, и в нем не только учили грамоте и получали полемические познания старообрядцы, но тут же учились они и петь для нужд богослужения, которое в скиту свершалось благолепно. Теперь даже ... деревни Скитская и Замогильник, образовавшиеся на его месте, известны своим пением, которое там по традиции передается от отцов и дедов...¹ Лучшие, чем где-либо в Печорском крае... певицы живут не только в этих двух... деревушках, а и по всей реке Пижме, по всем ее деревням... Они так хорошо поют в сравнении со всеми остальными печорками, что, как только пижемки приезжают во время ярмарки в Усть-Цильму и являются на горке, усть-цилёмки отходят прочь, уступая им первенство в умении петь песни»². (Многое из вышеприведенного верно и сегодня.)

¹ Конечно, эти традиции нельзя сводить только к культовым песнопениям. Здесь, несомненно, сохранилось и развивалось подлинно народное песнетворчество.

² Ончуков, предисловие «Былинная поэзия на Печоре».

Замечательный ленинградский ученый В. И. Малышев собрал здесь для Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) свыше 300 древних рукописей (как религиозного, так и светского содержания) и написал на их материале историю края. Н. Е. Ончуков в начале XX в. в одной только Усть-Цильме записал 31 былинку от 7 сказителей (с оговоркой: «... а на самом деле старинщиков там и еще больше»¹). Ленинградские и другие ученые-фольклористы собрали большое количество былин, плачей и песен в советское время.

Многочисленные филологические экспедиции академических институтов, университетов и пединститутов ежегодно находят в Усть-Цилёмском районе богатейший материал для изучения важнейших элементов древнерусского языка.

Здесь и в наши дни радуют глаз знаменитые, несказанной красоты древнерусские наряды, в которые наряжаются усть-цилёмки и пижемки. Об этих костюмах еще в начале XX в. писал Ончуков: «Даже в костюмах Печора сохранила парчовые боярские наряды, в центре России хранящиеся только в музеях. И в области духа — в поэзии² Печора оставалась верна своим, застывшим во всем остальном, формам...»

В крестьянском быту распространены расписные деревянные прялки, ложки, дуги, точеные чаши и «соляницы», традиционное узорчатое художественное вязанье и многие другие предметы быта, выполненные руками народных мастеров-умельцев, являющиеся сегодня подлинной находкой для музеев...

Здесь можно побывать на усть-цилёмской «горке»³,

¹ Ончуков.

² Ончуков подразумевает былинку.

³ Местное название старинных хороводных игр, сопровождаемых пением «горочных» песен.

которую до сих пор «водят» чуть не в полсела в белые ночи, накануне сенокоса. И звучит здесь «много-множество» удивительных и прекрасных песен, дошедших до нас через смутную даль многовековой трудной истории этого края.

*

В начале нашего века Н. Е. Ончуков застал эпическую традицию Печоры в состоянии такого расцвета, который нам, современным собирателям, представляется менее реальным, чем самое существование былинных богатырей. Повсеместное бытование «старин» на Печоре подтверждается целым рядом замечаний Ончукова. Он пишет: «...вообще старинщики пользуются на низовой Печоре уважением среди сельчан; их считают особенно развитыми, наделенными какой-то особенной способностью, даром, которым, пожалуй, можно и гордиться, и фраза: «О, он сказитель!» — служит большой похвалой».

И дальше: «... их знает непременно каждый в своем селении, а иногда слава их гремит на всю Печору». «Стоит приехать только даже в такое большое село, как Усть-Цильма, как почти первый встречный расскажет вам, кто поет в селе старины». На осенóвьях¹, где из-за ранней темноты рабочий день кончался в 4—5 часов дня, роль сказителя была огромной. Каждый староста рыбацкой артели всеми силами старался заполучить к себе «старинщика». Даже «соседи» печорцев зыряне распевали былины на ломаном русском языке — настолько велика была популярность эпоса еще в начале нашего века.

¹ Осенóвья — осенняя ловля рыбы «артелью» на рыбацких «тонях» вдали от сел и деревень.

Всего Ончуков записал на Печоре 101 былину от 25 сказителей. Но при этом он отмечал: «И все-таки старинная поэзия на Печоре падает... Об этом говорят в один голос уже сами старинщики. Как только станешь спрашивать про старины, так все и говорят: «Вот приехал бы ты лет 10 — 15 назад, когда был жив (такой-то). Вот он тебе бы напел! А мы што...»

О дальнейшей судьбе эпоса на Печоре можно рассказать кратко, с помощью цифр:

- 1) 1900-е гг. Ончуковым записана 31 былина на 29 сюжетов от 7 сказителей только в Усть-Цильме и ее окрестностях.
- 2) 1929 г. — записан 21 сюжет по Усть-Цильме, ее окрестностям и р. Пижме.
- 3) 1955 г. — 12 сюжетов. Усть-Цильма, окрестности, р. Пижма и р. Цильма.
- 4) 1964 — 1965 гг. Все районы Печоры — 10 сюжетов от шести исполнителей (вместе с вариантами — всего 13 записей).

В народном творчестве, как и во всех областях жизни человека, совершается неодолимый процесс развития: одно явление преобразуется, отмирает, другое нарождается. Под влиянием общественных условий видоизменяется и фольклор.

Если до революции «заброшенная в суровом климате за Полярным кругом, недалеко от Ледовитого океана, совершенно в стороне от жизни всей остальной России, Печора до самого последнего времени жила укладом жизни и духовными интересами, по крайней мере, конца XVII века...»¹, — то сегодня этот край подвергся коренным преобразованиям. Появился молодой промышленный город Печора, в котором кипит новая

¹ Ончуков.

жизнь. Ширится сеть посёлков-лесопунктов (их видно с самолета). На могучей Печоре пыхтят работяги-буксиры, волоча баржи с грузами и сплавной лес. Даже на собственных лодках теперь мчатся во весь дух, рыча моторами («Из Боровской, что на Пижме, можно поспеть к обеду в Усть-Цильму»). А раньше, когдаплыли на веслах, как это было еще 10 лет тому назад, «и песни все перепевали, и старины вспоминали за долгой-то путь».

Теперь из Усть-Цильмы самолетом можно добраться до Москвы в один день: «Прежно-то время Москва далече была. Один съездил, бат¹, дак его на всю жизнь москвичом прозвали: «Лёшка-москвич». А нын старухи-мухи — и ти полетают в Москву: близко стала, вишь, матушка...» Даже усть-цилёмки, которые в большинстве своем и в обычные дни упрямо носят скромные будничные сарафаны старинного покроя, до пят, опаздывая на работу, умудряются нестись бегом, почти как заправские москвички. («А что? Усть-Цильма — уголок Москвы. Только дома пониже, да асфальт пожиже...») Электричество, радио, кино — даже в самой, казалось бы, «глухой» деревне, до которой если не вертолетом добираться, то 20 км по болоту. Новые темп и ритм жизни, новое ее содержание не оставляют места для длительного досуга, который раньше заполнялся пением старин, сказыванием сказок, бывальщин и небывальщин, пением «посидочных»² песен и т. д.

¹ Бат — местное вводное слово, не имеющее точного перевода, — бывает, бывало, очевидно, наверно, возможно.

² «Посидочные» — песни на «посидках» (местная транскрипция слова «посиделки»).

В первый приезд на Печору уже на сыктывкарском аэродроме, откуда предстояло лететь на Усть-Цильму¹, я была несказанно удивлена неожиданно ласковой теплотой белой ночи.

Огромное, похожее на божество языческих легенд солнце, едва успев спрятаться, уже в 3 часа ночи медленно выплывало из-за горизонта. Собственно, солнце появилось уже с половины нашего воздушного ночного пути Москва—Сыктывкар. Сначала это была северная вечерняя заря, потом—утренняя. Солнце висело, выбиваясь из синих туч, над вогнутой гигантской чашей Земли, горизонты которой необозримо расширились с высоты полета стальной птицы. И уже в сопровождающем нас солнце было обещание неизведанного, необычайного впереди. Потом за окном низко летящего самолетика местного сообщения будто взмахивала гигантскими зелеными крыльями непроходимая тайга. Неожиданно распахивались чистые глаза таежных озер. Плутающие в лесной глухомани речушки вырисовывали замысловатые узоры, то исчезающие в оранжево-красной ржавчине болот, то начинающиеся оттуда. Печора! Красавица-«богатырица» Печора вспыхивает широкой лентой, слепит глаза белизной песчаных отмелей, кланяется могучими елями, подмытыми половодьем. Гигантские синие тени облаков плывут по ней. Яркое летнее северное солнце купается в ней. Ползут пароходы. Сверху они кажутся игрушечными... Мы летим записывать для будущих грампластинок последних сказителей Печоры, разысканных и указанных нам

¹ Русский по основному составу населения Усть-Цильмский район по административному делению относится к Коми АССР.

Д. М. Балашовым. В моем портфеле лежит ученическая тетрадь в клеточку с краткими сведениями о сказителях. Я вновь и вновь перечитываю их, запоминаю, пытаюсь представить себе людей.

«ВОКУЕВ ГАВРИЛО¹ ВАСИЛЬЕВИЧ, уроженец и постоянный житель Усть-Цильмы, 1883 года рождения. Знает былины о Дюке Степановиче, о бое Ильи Муромца с Сокольниковом и об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. В его присутствии бога не хулить, не курить, не пить...» Дальше в «сведениях» обнадеживающие слова: «Уговорить петь нелегко, но должно. Следует проявить много такта и настойчивости. Полон чувства собственного достоинства и кротости. «Слава» и деньги для него не существуют. «Начетчик»². Помощник В. И. Малышева. Жена, старозаветная старушка, категорически против записи былин».

«ЛАГЕЕВ ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ, уроженец и постоянный житель Усть-Цильмы, 1895 года рождения. Книгочей-начетчик. Большой друг и помощник ученого-«древника» В. И. Малышева.

Умен. Втайне славой доволен. Внешне — уговорить трудно. Знал свыше 20 «старин». Сейчас помнит былины «Добрыня и Алеша», «Ставёр Годинович», «Василий Буслаев», «Три поездки Ильи Муромца», «Старину небывалую». Как «старинщик» «открыт» и впервые записан Д. М. Балашовым. Живет вместе с дочерью Ольгой и тремя внуками».

¹ Все исполнители убедительно просили писать их «имена-изотечества» так, как их называют всю жизнь на родине, как называют они сами себя и как, наконец, они записаны в книгах сельсовета.

² «Начетчиками» на Печоре называют грамотных стариков, хорошо разбирающихся как в старопечатных, так и рукописных старинных книгах, а также знающих староверческие обряды.

«ЧУПРОВ ЕРЕМЕЙ ПРОВОВИЧ, родом из дер. Аврамовской, живет в дер. Боровской (обе — по р. Пижме). 1890 года рождения. Охотник. Семья большая. Неграмотен. Известен фольклористам с 1929 года. А. М. Астахова считает его чуть ли не лучшим по манере исполнения сказителем Печоры. Раньше пел с сыном Ларионом, со старшими братьями. Помнит две былины: «Илья Муромец и Сокольник» и «Бутман»...

«ЛЕОНТИЙ ТИМОФЕЕВИЧ И АННА ЛУКИЧНА ЧУПРОВЫ. Муж и жена. Однофамильцы Еремея Прововича. Живут тоже в Боровской. Поют вдвоем те же былины, что и Еремей. «Передом ведет»¹ Леонтий Тимофеевич. «Хозяин» 1903 года рождения. Страстно влюблен в земледельческий труд. Жена 1912 года рождения, женщина положительная, с ясными и твердыми нравственными принципами».

Пятеро людей, каждый — со своей жизнью, со своим характером. 5 дней в нашем распоряжении... Как все сложится? Сумеет ли подойти к людям? Найдем ли мы нужные слова, чтобы «Сезам» открылся? Что знаю я о живом исполнении былин?

... Пока я тревожилась, размышляла и предполагала — вдруг в окне самолета в секунду место неба заняла ставшая близкой и огромной Печора и тут же стремительно упала вниз; медленно кружась, развернулось большое селение на правом берегу реки; потом навстречу самолету взметнулись совсем близкие ели, будто древняя воинская рать, ошетилившаяся копьями. Самолет мягко подпрыгнул и деловито побежал по траве... Усть-Цильма... Думать-гадать поздно. Нужно записывать последних сказителей.

¹ На Печоре «передом весть» означает быть знатоком — запевалой, за которым «сзади» ведут остальные.

«Усть-Цильма стоит в том месте, где река, сделав последний гигантский скачок к западу, поворачивает прямо на север, устремляясь в океан»¹. Основное, что определяет облик Усть-Цильмы, подмечено еще Он-

чуковым. Усть-Цильма больше похожа на северорусский деревянный городок, чем на село (хотя называется селом и сейчас). К трем параллельным улицам, растянувшимся более чем на 5 км вдоль Печоры, прибавилась четвертая (повыше), которую застраивают кирпичными домами. Основные постройки в Усть-Цильме — это двухэтажные дома — деревянные хоромы, часто с крыльцом на втором этаже и ведущей к нему

¹ Д. Балашов. Печора и ее сказители. «Север», 1965, № 3.

крытой лестницей (такие крытые крылечки с лестницами — характерная деталь северной деревянной архитектуры). В некоторых домах можно встретить кованые, железные и медные, узорчатые дверные кольца; двери, обитые узорчатой тисненой оленьей кожей; «клейма»¹ на внутренней стороне крыльца: люди, кони, сани, звери, — удивительно напоминающие рисунки с наскальных росписей («Это-то? Клейма-ти? Ну, их еще дедов тато² ставили. Бат, лет 100 им»).

Вдоль всех улиц — деревянные пешеходные мостки, которые величают «мостами». По ним то спешит, то важно выступает местное население, одетое весьма разнообразно: от сарафанов, из-под которых видны только носки «выступок» (галош), до молодежных рискованных юбок, оставляющих колени далеко внизу. От будничных темно-малиновых головных «платов» до замысловатых экранных причесок. Усть-цилёмы в большинстве своем высоки, статны. Особенно хороши женщины; некоторые лица своей значительностью и строгой красотой удивительно напоминают женские типажи суриковской картины «Боярыня Морозова».

С Гаврилой Васильевичем Вокуевым я встретила в тот же день. «Заходи, заходи! Садись. Как звать-то ты? Юлия? Ульяна, значит», — и, как будто выяснив этим для себя нечто немаловажное и успокоительное, сразу же усадил пить чай. Небольшой, сухонький старичок с волосами цвета тусклого темнеющего серебра, по-старинному подстриженными «в скобку» (в кружок), со слегка вьющейся бородой, как-то по-особому невесомо лежащей на груди, он весь будто светился кротостью и успокоенностью всеприемлющей мудрости. Каж-

¹ Знаки, которым в старину придавалось оберегающее магическое значение.

² Тато, тата, татка — ласкательное отец.

Г. Б. БОКУЕВ

В. И. ЛАГЕЕВ

дое его значительное слово отражалось в ясных светло-голубых глазах, которые то вспыхивали радостной приветливостью, то становились настороженными, как у строгого, но справедливого судьи, то, казалось, пылливо заглядывали вам в самые потайные уголки сердца.

Гаврило Васильевич, знаток старинных книг — настоящий клад для ученого-«древника», краеведа, историка, филолога, собирателя-музыканта, писателя и просто для людей, которые хотят встретиться с интересным человеком. В удивительно красивых поколенных «чулках» местного расписного вязанья, в холщовых портах, темной косоворотке, с потемневшим, литого серебра, старинным крестом на груди, Гаврило Васильевич неслышно передвигался по комнате, налаживая самовар. Голос его звучал тихо и ясно: «Димитрий как там поживает? (Это о Балашове.) Владимир Иванович пошто не едет? Собирался ведь. Тут одной книжечкой интересовался (это о Малышеве). Хороший мужик. Самостоятельной, уважительной. Обоим поклон передай».

В биографии Г. В. Вокуева нет ничего особо примечательного — это обычный трудовой путь рядового северного крестьянина.

О себе он говорил так: «Отец и мать — усть-цилёмь. Я ни одного дня в школе не учёной. Нас старички учили читать-писать и арифметику. Трое-четверо мальцов¹ отцы соберут и водят учиться. Старику отцы на это сколько-нибудь выделяли: там денег чёё ле, сахару там... Так — не жалуясь. Стары ле книги, новы ле, газетку почитать, сосчитать чёё ле — все могу». Былины по своей охоте «перенимал» с детства от деда, Петра Ивановича Вокуева, и отца, Василия Петровича, певших вместе. Исполнять былины начал с 15-летнего возраста. Многие из них он слышал и запоминал на рыба-

¹ Малец — мальчишка, иногда — парень постарше.

чьих тонях, по давным-давно позабыл даже какие. («Никому ведь не надо стало, не поёшь; а нынче уж остарел шибко, память затемнило».) «При отцово-то бытности восемнадцать человек наша семья была. Прямо скажем — настоящей семейной колхоз был. Поначалу одним домом жили — потом ещё три дома поставили. Шестеро братьев нас было. А отец был глава. Никто не отделился. Все вместе робыли¹. Отец каждому как свой наряд давал: кого — рыбу ловить, кого ямщичить, в дорогу, в Архангельское² рыбу да пушнину продать да какого-то товару привезти; кого дрова заготовить. Жонки-то — тоже каждая при своей работе, каждая своё дело знает: одна скотину обряжает³ (35 голов было), другая со всеми дитяшами⁴ водится, третья — хлебы печёт, четвёртая обед варит... Никаких пресечений не было. Все отца слушались, ладно-хорошо жили. Братья никогда не дрались⁵, не спаривали⁶». (Многие устьциклёмы подтверждают правдивость этого рассказа: «Уж так они были хороши, так дружны да роботящи. А Гаврило Васильевич лишнего не скажет, ни-ни. Истинный человек. Что есть — то и есть».)

«Роботы — той хватало всегда мужикам в Усть-Цильме: летом — на пожню⁷, сено запасть, строить, рыбу ловить; зимой — ямщичить, скотину растить. Охотились опять: по рекам птицу промышляли — ряб, пеструху, марьюху, глухарей, косачей, чухарей (все тетёры, только разны). Гуся, утку да лебедя тоже стреляли.

¹ Робить — работать, трудиться.

² Северное признание — Архангельское, Мурманское.

³ Обряжать скотину — ухаживать (кормить, поить, чистить, доить коров и т. д.). И сейчас говорят: «Я на обрядах робыла».

⁴ Дитяши — дети.

⁵ Не дрались.

⁶ Не спорили.

⁷ Сенокосные луга.

Которы были рыболовцы. Рыбы много добывали — сёмги много было, белу рыбу тоже ловили. Здесь у нас всё было своё крестьянско. Не слыхивали мы этого крепостного права. Свои поняты через кажды 10 лет переделляли землю. Только трудом нужно было эту землю добывать: лес вырубил, выкорчевал — и пользуйся. Ины надрывалисе. А справедливости всё же не было: на жонок землю не давали, не равных оне были прав с мужчиной. Скажем, в семье 10 едоков и трое мужиков — значит, на троих землю дадут; а если пятеро едоков, из них четверо мужиков, — на четверых дадут. То ли неправедность! Это нынъ женщины набрали равенства... Давне¹ всё ячень, жито сеяли. Хлеб свой был. Ране² вёрст за 12 две мельницы водяные стояли, мололи по 120 — 250 пудов в сутки. А кто и своими жерновцами — сидят и мелют дома».

«Здесь, примерно, которы мужики богаты были, то и наймовали³ им взети грузá в Архангельско. Семнадцать суток отсюда по тайболе ехать коньми. Я сам ежживал по два раза за зиму. (А при нашей бытности ины саньми везли товары из Архангельского в Москву и в Петроград). Повезешь мясо скотсько⁴, шкуры, рыбу — сдашь купцям по назначению, а обратно везёшь соль, сахар, карасин, красный товар⁵. За это мужики, которы нас наймовали, платили нам по 1 руб. 50 с пуда груза... В армии на действительной я служил два раза. В 1904—1906 годах, как раз японська война была...

¹ Дáвне — давно, раньше.

² Рáне — раньше.

³ Наймовать — наннмать.

⁴ Говядина, свинина — широко распространенное на Печоре название.

⁵ Красным (хорошим, красивым) товаром называли материи, головные платки, парчу, ленты, печатные пряники, конфеты и т. д.

40 дней шла узкоколейка из Москвы в Дальний Восток. Одиннадцать месяцев эскадра шла... Подумай только, како передвижение было! Повезли нас, новобранцев, по Печоры до Пустозерска, оттуль — до Архангельского. Тут я городов-тих повидел! А до войны не довезли. Так службу служили... До нас ещё на 2—3 года пешком гоняли новобранцев с Печоры на Мезень. Нас уж не гáнивали. Второй раз брали на действительну в 1910 году, возили проверять, не забыли ль службу. Опеть же до Пустозерска. От Пустозерска — морем на Архангельско (тут губа¹ верст 300). Оттуль поездом в Вологду, от Вологды — на Петроград. От Петрограда — первой Николаевской железной дорогой до Рыбинска, оттуль — на Ярославль, и от Ярославля на Старую Руссу чугунок. Вот где служил, новобранцев учил! По Старой Руссе, слышал я, в нынешнюю войну фронт проходил — так, верно, нет уже ей, вся порушена², либо возновили?³... Электрических лампочек не горело тогда и в городах — не то что у нас в Усть-Цильме; керосиновы лампы были. Все это при мне перешло, при нашей бытности така больша измена⁴ родилась. Не думай, что все даром досталось! Я еще видел людей, которых в армию, как в каторгу, на 25 лет заганивали. Или работа была подённа. Подумай — по 50 копеек людям за 12-часовой день платили!.. Все при мне прошло да прокатилосе... Вернулсе с первой действительной в 1906 году, поехал ямщиком в Архангельск зимой. А там, помню, бастуют 10 тысяч рабочих. Шум-гром. Стреляют солдаты (для страсти — не убивали).

¹ Губа — повсеместно на русском Севере — залив.

² Порушить — уничтожить, разорить, разрушить.

³ Возновить — возобновить, отстроить.

⁴ Измена — изменение; измена родилась — произошло изменение.

А те кричат: «Дайте нам восьмичасовой рабочий день! Дайте нам восьмичасовой рабочий день!» Так что не думай. Нынешней ваш рабочий день не даром, вишь, достался... И власть теперешня, не думай, — не даром досталась. Больша была пролита народна кровь. Это помнить надо. Я тебе скажу так: прежь¹ народ был задавленной, у нас богатели ти, кто торговал. А нынь много легота² сделана: детишек учат всех бесплатно, бабам за принос детишек платят, права-ти всем одинаковы, — живи, пользуйся...

На войну 1914 года меня уж не взяли: права рука была изувечена. На другой войне сынок единый пал. Хороший был, смирённой, трудящей, непьющей, — радость сердечня был. Погиб за нову жизнь... Живем со старухой теперь. Остарели, силушки нет, моготы³ нет. Собираемся на тот свет. Пора уж. А так — рабливал⁴ на веку. Что домов поставлено, лесу вожено, земли пахано, рыбы ловлено, зверя промышлено, птицы стреляно! Опеть же — я тут первым председателем сельского совета сел в 1917 году, землю мужикам разделял поновому: по едокам, по справедливости. Служил и на службы: хозяйственником в промкомбинате. На лесозаготовке робыл... На веку — что на волоку, все бывает, все встретится. Так-то, дочка.

Записывали мы «старины» от Гаврилы Васильевича на сцене огромнейшего, совсем городского, Усть-Цилёмского Дома культуры, за плотно задернутым занавесом малинового бархата. Сказитель, микрофон на столе, я. Вся наша инженерская звукозаписывающая братия с аппаратурой находилась почти за тридевять земель —

¹ Прежь — прежде.

² Легота — облегчение, льгота.

³ Могота — существительное от глагола «мочь».

⁴ Рабливал — работал.

в вестибюле (ради чистоты записи). Моей первой былиной, услышанной «вживе», с начала до конца, был знаменитый «Дюк Степанович», которого Вокуев впервые спел Балашову в 1963 году¹. Это — одна из классических былин киевского цикла, в свое время чрезвычайно распространенная. Прекрасный вариант «Дюка» приведен у Ончукова (стр. 123, № 24), всего же имеется свыше 70 записей вариантов этой былины. Тем не менее личность героя былины (то есть фактически — идейный смысл последней) была предметом научных споров на протяжении длительного времени. Кто таков Дюк? В чем его героизм? Ведь он не совершает никаких подвигов, а просто, приехав ко двору князя Владимира, посрамляет своим богатством придворного богача и франта Чурилу и даже самого киевского князя². Ученными высказывались самые разнообразные предположения: венгерский король; князь; купец; византийский император; западный герцог; сатирический образ, а вся былина — сатира на московское боярство; наконец — демократический эпический герой, в котором воплощено стремление народа унижить княжескую власть... Ни один из записанных ранее вариантов не давал прямого ответа: кто же Дюк? На закате эпоса на этот вопрос ответил вариант Гаврилы Васильевича Вокуева.

Начало былины достаточно традиционно:

Как во той-де во Нижней Малой Галицы,
Как во той-де Корелы пребогатой,
Уж как жил-то Степан да там состарилсе,

¹ Ленинградским собирателям в 1955 г. он спел «Илью и Соловья-разбойника». В записи Н. П. Колпаковой помещена на стр. 148—152 в «Былинах Печоры и Зимнего берега».

² Об этом см. подробнее в журнале «Север», 1955, № 3, в статье Д. Балашова «Печора и ее сказители».

Как ище того скорé да он преставилсе.
 Как оставалась у Степана молода жена,
 Молода-то жена, она беременна.
 Как родила она да чада милого.
 Как давали ему да лёгко имечко,
 Как не тяжёло, не лёгко — Дюк Степанович.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

1 Неторопливо, спокойно ♩ 150

Как во той де во Ниж(ь)ной Ма . лой Га . ли . цы .

Как во той - де Ко . ре лы пре - бо га . то . ей .

Уж как жи(ль)тс Сте . па.н(ь) да там со . ста - рил . се .

Как и ще то . го ско . ре да о . н(ь) пре . ста вил . се

Подросший до 17 лет Дюк выпрашивает у матери разрешение «съездить-сходить» в стольный Киев-град «посмотрети там князя да со кнегиною, посмотри мнe там русских богатырей».

Приехавший в Киев Дюк,

Он становится к гридни княженецкой,
 Как к тому-де ище столбу дубовому,
 Слезывал-то ле Дюк да со добра коня.
 Как во том-то столбу дубовоём,
 Кабы было ле в ём да три колечика:
 Как перво-то колечико медяное¹,
 Как второ-то колечико серебряно,
 Кабы третьё кольцо да позолочено.

¹ Медяное — медное.

Тут ведь были там подписи подписаны,
Кабы были там резинки¹ подрезаны:
Как крестьяна-ти ведь вяжут² за колечко медяноё,
Как богатые люди — ко серебряну,
Кабы русские богатыри — да за золочено.

Говорит-то себе да Дюк Степанович:

— Я во той-де во Нижней Малой Галицы,
Как во той-де Корелы пребогатой,
Я ведь там сам живу простым я мужичком.
Ах в своей-то ведь Нижней Малой Галицы
Я ведь там же живу ище добрым купцом.
Я в своей-то ле Нижней Малой Галицы,
Я живу-де ведь как да я великим князем³.

(«Я ведь сам все один-су управляю дак...» — пояснил сказитель.)

Он завязывал коня да за колечико,
Каб за все-те три да он завязывал.

Этого эпизода, говорящего о высоком чувстве собственного достоинства у социально раскрепощенного труженика, о чувстве морального превосходства над купцами, богатырями и князьями, не было ни в одном из ранее записанных вариантов былины (подробнее см.: «Север», 1965, № 3. Д. Балашов. Печора и ее сказители).

Затем Дюк посрамляет весь киевский княжеский двор, у послов которого не хватило ни «бумаги белой», ни «чернила черного» для описания Дюкова имущества. Причем исключительность последнего заключается не просто в богатстве, а в редкостной красоте и сказочной необычности предметов одежды и домашнего обихода (например, поющие пуговицы на куньей шубе —

¹ Резинки, резы — знаки, вырезанные по дереву, древнее название, применявшееся к дописьменным обозначениям славян.

² Вяжут коней.

³ В варианте, спетом тем же исполнителем в 1965 году, — еще и богатырем.

каждая со своим голосом — или братыня¹ в семьдесят рожков, «из каждого рожка напитки разные»).

Так было заполнено центральное «белое пятно» биографии одного из популярнейших героев русского эпоса Дюка Степановича, в образе которого народ выразил свою извечную уверенность в безграничных возможностях свободного труженика, хозяина жизни, который сам себе крестьянин, купец, богатырь и князь.

Пел Гаврило Васильевич тихим, слегка надтреснутым старческим, но ясным голосом (сказывались возраст и забравшая много сил совсем недавняя операция, после которой согласиться петь длинные старины было вообще, на мой взгляд, почти подвигом). Спокойная, объективно-уравновешенная манера пения, в то же время без отрешенности от излагаемых событий, воскрешала представление о подлинно эпическом «сказывании» мудрым старцем поучительных преданий старины глубокой (это была как бы живая распетая летопись). На пустой полутемной сцене разворачивались вызванные к жизни даром сказителя огромные эпические полотна, полные движения, воздуха и цвета. Удивительная сила эпического обобщения и преувеличения сочеталась с последовательно точной и подробной разработкой деталей...

«Илья Муромец и Сокольник» — трагический конфликт голоса крови с чувством долга перед Отчиной. От далекого Студеного моря, от камешка Латыря, по необозримым просторам Руси едет на добром коне в стольный Киев-град, чтобы разорить его, сжечь и надругаться над ним, молодой богатырь Сокольник. Илья Муромец, узнающий в нем родного сына, предлагает ему побрататься с киевскими богатырями, войти рав-

¹ Братыня — старинная медно- или златокованая чаша для вина, обходившая гостей в застолье по кругу.

ным в их ратную семью. Но Сокольник подымает руку на отца — главу защитников Руси, и Илья Муромец вынужден убить сына... Даже в трагические моменты! сказитель поет почти так же сдержанно, как и всегда, только голос крепнет, только высокий лоб, будто озявьясь напряженной мыслью, становится как бы еще выше и суровеют ясные глаза.

Обе былины Гаврило Васильевич пел на один напев, несколько варьируя его в ходе исполнения (некоторые замечания о печорских былинных напевах — ниже). Былину «Первостольной богатырь Илья Муромец» («Илья и Соловей-разбойник»), которая помещена в «Былинах Печоры и Зимнего берега», Вокуев «не замог» спеть: не хватило сил... Встретившись со сказителем через год, я была поражена тем, что он, скрывая за улыбкой смущение, спросил, как спрашивают о детях, которыми следует гордиться: «А Дюк-то мой нынь по всей Руси уж прошел?»

*

Усть-Цилёмский сказитель Василий Игнатьевич Лагеев, тучный смуглый старик, моложе Вокуева на целых 12 лет.

Встретил он меня очень радушно, расспрашивал о В. И. Малышеве и Д. М. Балашове. «Как же, знаю, знаю. Подждал. Писал Димитрий Михайлович, что приедете... Так-так. Стариннами, значит, интересуетесь. Ну, живите, гостите, Усть-Цильму глядите — там видно будет, посмотрим». И будто невзначай, между прочим: «У крестного моего, Гаврилы Васильевича, были? Сулился спеть ли, нет ли? Не пел еще? А-а, так-так, да-да-да. Ох, на старости-то лет грех-то ведь петь. Сказано в старых книгах: «Краснопевцу¹ вечная плачь», —

¹ Краснопевец — красно поющий, хорошо поющий* (древнерусское).

темно-коричневые, очень живые, с хитринкой, саамского рисунка глаза, смотревшие изучающе, приветливо, но не совсем доверчиво, вспыхнули плохо скрытой иронией... «Срочно нужно? Три дня времени? А-а! Так-так, да-да-да... Ну, посмотрим, посмотрим... Книжечками старинными интересуетесь если — прошу», — широким жестом пригласил в отдельную свою комнату, сплошь загроможденную старинными деревянными и литыми медными иконами и толстыми фолиантами в переплетах тисненой кожи с медными узорчатыми застешками. Обстоятельно, со знанием дела, проявляя настоящую грамотность и начитанность, рассказывал Лагеев об интересных рукописях, об историях их поисков совместно с В. И. Малышевым, об иконе: «Тут приезжал старичок из Ленинграда, так говорил — цены ей нет...» Цены ей действительно не было, да и не только ей одной. Пожалуй, Василию Игнатьевичу мог бы позавидовать не один собиратель — любитель русской старины, коих теперь великое множество. В пылу разговора очки неизменно оказывались на кончике широкого носа, и Василий Игнатьевич глядел, наклонив голову, чуть искоса, поверх очков. Сказав что-либо особо интересное, стремительно вскидывал голову так, что разлеталась шелковистая грива стриженных «в скобку» волос и борода безупречно снежной белизны. Тогда глядел внимательно через очки, будто проверяя впечатление от сказанного.

Василий Игнатьевич Лагеев — человек не только сложной, трудной и интересной судьбы, но и сложного, интересного характера, в котором мирно уживаются, а порой сталкиваются, самые противоречивые черты. По рассказам, в молодости был удалым до лихости. Да и сейчас иногда в компании, чувствуется, заиграет в нем русский размах, требующий выхода: то он всех рассмешит до колик за столом, то песню «передом» запоет.

Стоит ему войти в дом, как в глазах внуков начинают прыгать веселые бесенята: сейчас дед что-нибудь забавное скажет... В молодости Василий Игнатьевич с оружием в руках устанавливал Советскую власть на Печоре. Полуистлевшая справка гласит: «Выдана красногвардейцу Василию Игнатьеву Лагееву в том, что у него семья 5 человек...» В гражданскую войну партизанил, был схвачен белыми и чудом не погиб: расстреливали каждого десятого — оказался девятым... В остальном — обычная трудовая биография. Был не только охотником, рыболовом, не только «промышлял» (как говорят на Севере), но и банковским служащим, бухгалтером был. «На государственной службе служил: грамотность позволяла».

Василий Игнатьевич живо интересуется жизнью страны и международными событиями: газета «Красная Печора» всегда лежит рядом с его очками... Как уже упоминалось, Лагеев — неизменный многолетний помощник ленинградского ученого В. И. Малышева в его экспедиционной работе на Печоре. В домашнем архиве Василия Игнатьевича вместе с красногвардейской справкой хранятся два благодарственных письма от Института русской литературы (Пушкинский дом), одно из которых подписано членом-корреспондентом АН СССР Д. С. Лихачевым. В них Лагеев характеризуется как «бескорыстный и истинный друг науки», при содействии которого «Институт приобрел не один десяток ценнейших памятников письменной культуры прошлого».

Былины Василий Игнатьевич пел с молодости. «От старичков на тонях слышал, запоминал. Еще книга была у меня со старинами, из нее запомнил сколько ле» (какая это была книга, выяснить не удалось). «Знал когда-то я поболее двадцати старин, да нынче давно не певал, так...»

Д. Балашов в 1964 году впервые записал от Лагеева весь его теперешний былинный репертуар: «Василий Буслаев», «Ставёр Годинович», «Добрыня и Алёша» и «Три поездки Ильи Муромца». Кроме былин, Лагеев знает и поет с соседкой Ниловой большое количество «стихов», знает и любит «всякия, простыя, усть-цилемськи песни, что по застолью поются»... Расставались мы, балансируя на точках равновесия дипломатической «почти точной» договоренности о записи былин назавтра в Доме культуры.

Назавтра... Василий Игнатьевич лежал. У него болели голова, сердце, ноги и «еще где-то там, в черевах»¹. Василия Игнатьевича интересовали исключительно вопросы переселения «в лучший мир». «...С серебряными крестами у нас стариков не хоронят. В жизни носят, а в гроб кладут с менными². Потому что Иисус Христос продан за тридцать серебряников; а мы ведь все восстанем на страшной суд, — в серебре оно и грешно...» И, заглянув мне прямо в глаза (а в зрачках — затаенное, почти вызов, — то ли мне, то ли собственным мыслям и взглядам), тихо добавил: «Если будет он, страшной-от суд... А, бат, ничего и не будет. Так, прахом рассыпемся и землю удобрим. А?!.»

Напрасно я предлагала ему врача и на выбор лекарства из усть-цилемской аптеки; дочь Ольга просила выпить валидол или «свеженькой рыбки покушать», а зять, заикаясь от волнения, растерянно повторял: «Может, выпить Вам, тогда полегчает? Может, выпить? Ведь люди приехали специально. Нужно ведь им. Если б не нужно, не просили б ведь...» Но Василий Игнатьевич был неумолим: ему было худо, ему было все равно,

¹ Черево, чрево — внутренности, живот (древнерусское).

² Менный — так на Печоре повсеместно произносят слово «медный» или «медяный».

он тяжело вздыхал, вздымал очи горé и выздороветь вскоре не обещал. Тогда я решительно заявила ему, что второй раз «Мелодия» не пошлет специалистов с сорокакилограммовой аппаратурой и отсутствие лагеевских былин в будущей пластинке, которую должны услышать десятки тысяч людей, уменьшит ее общественное и художественное значение.

На другое утро Василий Игнатьевич был свеж, благоухал духами, был по-особому аккуратно расчесан, по-праздничному одет и улыбчив («Слава богу, полегчало»). Неблизкий путь от своего жилья до Дома культуры пожелал пройти пешком, хотя можно было ехать автобусом. Встречные усть-цилёмы, уступая дорогу на узких мостках, отвешивали уважительные поклоны с достоинством шествующему Василию Игнатьевичу («Начетчик, знающий старик»). Во время записи Василий Игнатьевич работал «по-богатырски» (по выражению выдавших виды «мелодийцев»): пел без перерыва больше трех часов и только к концу слегка устал. На предложение отдохнуть и спеть последнюю былинку завтра возмущенно ответил: «Что вы! Раз начато дело, то уж надо все по́ ряду да по́ чести довести до конца». Репертуар Лагеева шире, чем у остальных сказителей; былины его лишены фрагментарности и клочковатости — они полны и законченны, а детали точны и тщательно разработаны.

«**ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ**». Буслаев подрастает, собирает дружину и бьется об заклад с мужиками новгородскими, что одолеет их на Волховом мосту. Мать отправляет Василия в погреба, где он засыпает. В это время Васильева дружина принимает бой. Девушка-чернавушка будит Василия, он бежит на мост, побеждает всех, в том числе и старца-богатыря, своего крестного. Мать уводит Василя домой, а новгородцы признают свое поражение.

«СТАВЁР ГОДИНОВИЧ». Князь Владимир заточает Ставра в «погребѣ глубокия» за его похвальбу женой на пиру. Жена Ставра переодевается в мужское платье, приезжает ко двору князя Владимира в роли «грозного посла» царя Калина и сватается к княжеской племяннице. Мнимый посол выигрывает различные состязания с богатырями и поражает всех своим умом, умением вести себя, многими богатырскими доблестями. Получив у князя Владимира разрешение забрать Ставра, жена последнего освобождает его и уезжает с ним домой, но с полпути возвращается назад в стольный Киев-град, так как ее гордости претит уехать неузнанной. Она открывает свое имя и насмешливо предлагает доигрывать свадьбу с княжеской племянницей, чем окончательно посрамляет князя Владимира, признающего, что Ставѣр «умел-де похвастать да молодой женой».

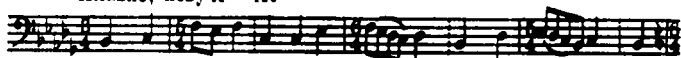
«ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА». Илья Муромец, всю жизнь стоявший «за Россиюшку, святую Русь», состарившись, решает в последний раз съездить «во чисто полѣ». На распутье видит «горюч камень» с тремя надписями и едет в ту сторону, «где убиту быгь», очищая «дорожку прямоезжую» от разбойников; затем едет в сторону, «где богату быть», добывает золоту казну, «роздаваѣт золоту казну нищей братии»; а в той стороне, «где жонату быть», освобождает сорок пленных царей-королевичей и расправляется с вражеской королевой, державшей их в заточении. Возвратясь на распутье, старѣй богатырь заменяет все надписи; «с той поры Ильѣ нынче славу поют».

«ДОБРЫНЯ И АЛЕША» — одна из основных былин киевского цикла. Князь Владимир отправляет Добрыню сражаться с «невежей от чужой земли». Добрыня Никитич завещает молодой жене ждать его «все три года»:

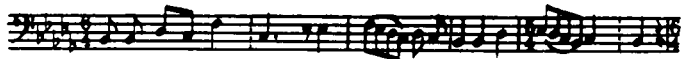
ДОБРЫНЯ И АЛЕША

2

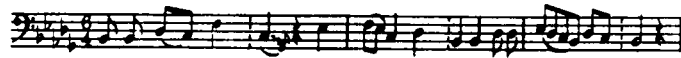
Плавно, певуче №-126

Ая, во сла.вѣ(н)но.ѣ мѣ(н)во го . ро . ди, во Ки . ё . ви.

Да у ла.сѣ(н)ко . ва у кня . зя, да у Вла . ди . ме . ра.

За.во.ди . ло . се у ни.х(н)се . го.лѣ(н)по.че . сте.нѣ(н)пир

— Не вернусь ли я если так со чиста поля,
 Ты ещё-де поживи других ли три года.
 Да пройдёт тому-де времечку все шесть-то лет,
 Да не вернусе я тогда дак со чиста поля, —
 Тогда тебе, Настасьюшка, ле будет воля вольная.
 Уж захочешь ты, Настасьюшка, — вдовой живи,
 Ай захочешь ты, Настасьюшка, — взамуж поди.
 Ты поди хошь ле за князя, за боярина,
 Да за могучего ле сильного богатыря,
 Не ходи только за Олëshеньку Поповича:
 Мне Олëshенька Попович всё названой брат.

Жена ждёт Добрыню завещанный срок.

Уж как день идет, идет — да будто дождь дождит,
 А неделя за неделей — да всё трава растёт.
 А и год-от за годом — как река бежит.

«Выдержав мужнюю заповедь», Настасья Никулич-на ждёт «вторых ле шесть тех лет», выдерживая «свою заповедь женскую».

Алеша Попович (богатырь, к которому народ зачастую относится иронически) неоднократно сватает Добрынину жену, засылая сватом самого князя Владимира. К браку с Алешей ее вынуждает князь. В разгар свадебного пира возвращается Добрыня и, переодетый скоморохом, заходит в княжеские покои.

Ай и клал-де на колени свои гусёлышка,
Он их начал налаживать от Чернигова,
Да накладывать он стал ведь стольной Киёв-град,
Ай и стал он по струночкам похаживати,
Да и всих он поименно да припевати...

Жена узнает Добрыню, Алеша Попович посрамлен и примерно наказан Добрыней.

Все свои старины Василий Игнатьевич поет на один напев, чрезвычайно близкий опубликованным напевам известного (уже умершего) сказителя Н. Ф. Ермолина (см. «Былины Печоры и Зимнего берега», нотные приложения № I, II). Голос у Лагеева низкий, бархатистый, звучащий легко и наполненно, совершенно профессионально. Исполняет он былины не торопясь, со вкусом, с достоинством, как бы любясь будто только что по ходу исполнения найденными образами, сравнениями, эпитетами, ситуациями и приглашая полюбоваться слушателя. К записи сказитель отнесся с большим интересом, придирчиво прослушал отрывки, подумал, прикинул и сказал, вдруг широко улыбнувшись: «Хоррошо!». Это было действительно хорошо. Существование былинных богатырей как исторических личностей вполне допускал: «Есть ведь и сейчас люди великой силы, тяжеловесы называются, — стопудовы гири ворочают, почему же прежде им не быть? Силачи были да за Русь стояли, врагов побивали, — так и прославились». Нечто подобное говорил и Г. В. Вокуев (еще Ончуков отмечал: «Усть-цылём поет старину, уверенный, что все, что в ней изложено, было»).

*

Кроме старин, щедрая Усть-Цильма подарила нам в этот раз «горку». Будничные, большей частью бордовые, темно-зеленые и темно-синие сарафаны с черными

кружевами вкруговую по подолу к вечеру постепенно сменились сказочным цветником праздничных сарафанов, старинных и нынешних, сшитых по всем правилам старины. По мосткам «плыли» женщины, по двое, по трое, шурша переливающимися радугой атласными шелками, отвечая на приветствия горделивыми плавными поклонами. Поражает удивительно точное, безупречное чувство вкуса в цветовом решении каждого костюма. Фиолетовый сарафан, золотые парчовые треугольники — «ластовицы» — на плечах, алые рукава, на голове — парчовый платок цвета червонного золота; зеленый сарафан, светло-синие рукава, «ластовицы» и головной «плат» серебряной парчи. В начавшихся прямо посреди улицы хороводных играх движутся пламенно-оранжевый, зеленый, алый, синий, рубиновый, лиловый цвета, каждое мгновение рождая неповторимую музыку новой цветовой гаммы.

Мужчины одеты в обычные городские костюмы. Многоголосый хор (хоровод в пол-улицы) поет бесконечные хороводные песни. Одна игра сменяет другую. До наших дней хоровод в Усть-Цильме — это развитое театрализованное народное действо. Косые лучи заходящего солнца словно разбрасывают пригоршни вспыхивающих драгоценных камней по хороводу, золотя тончайшие узорчатые серебряные цепи, которые украшают шеи женщин. Хоровод водят пол ночи, пока не переиграют все игры (их восемнадцать).

Расходятся с песнями, снова медленно «плывут», долго провожая друг друга. Солнце чутко притаилось за лесами, будто высматривает впологлаза удивительную красоту усть-цильмской «горки». За деревянными крышами домов светится цветом зари замершая перед восходом, как зеркало, спокойная Печора. Назавтра весь край, как издревле ведется, начнет «страдать» сено (до сих пор здесь горячая, напряженная сенокосная

пора по старине зовется «сено страдать», «отстрадали сено» или просто — «страдать»).

*

В деревню Боровскую (старики называют ее выразительнее — Боровая), стоящую на р. Пижме, мы летели на вертолете. Пижма пробирается к Печоре, извиваясь в дремучих лесах. Берег, на котором стоит эта небольшая деревня, настолько крут и высок, что напоминает стены древней крепости. Сверху от деревни открывается такая ширь, такой размах лесных далей, такая многоступенность перспектив, что хочется верить: именно здесь, на этой реке, народ создал удивительный по чеканности и силе обобщения былинный эпизод, посвященный Илье Муромцу, стоящему на Киевской богатырской заставе «поутру рано»:

А де брал он трубочку подзорную,
А выходил он сам дак на крылечушко,
А зрел-смотрел в ту сторонушку во северну —
О де на севере стоят дак ледяны горы.
А еще зрит-смотрит в ту сторонушку в восточную —
А где на востоке стоят дак леса тёмныи,
А где леса тёмныя, горы высокии.
А еще зрит-смотрит в ту сторонушку во южную —
А де на юге стоят луга широкии,
А де луга широки, травы там зелёныи.
А еще зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
А де на западе стоит да полё чистоё,
Полё чистоё, да всё Куликово.
А де не славной Буян-остров там шатайтсе.
А не Саратовы горы да взременяютсе:
А, верно, едёт богатырь да забавляйтсе...

Варианты этого эпизода встречаются только в записях печорских былин (см.: Д. Балашов. Печора и ее сказители). Приведенный эпизод процитирован из былины «Илья Муромец и Сокольник» в исполнении

супругов Леонтия Тимофеевича и Анны Лукичны Чупровых. Вот начало этой былины:

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

3

Энергично ♩ 126

го . ро . да , от Ки . е . ва...

Ай, не . да . лё . ко от го . ро . да , от Ки . е .

...ко, не близ . ко — за две . над . цать верст...

Не да . лё . ко, не близ . ко — за две . над . цать..

...за . ста . ва бо . га . ты . ри . ска . я...

А сто . я . ла за . ста . ва бо . га . ты . ри . ска .

Загорелый, с роскошной курчавой седеющей бородой, прямым носом, светящимися живым умом, юмором и деловитостью серо-голубыми глазами, в черной сатиновой рубаше навывпуск, плотно облегающей могучие плечи и грудь, с тяжелыми трудовыми руками — Леонтий

Тимофеевич с первого взгляда показался мне воплощенным Микулой Селяниновичем, богатырем-земледельцем. Первое впечатление оказалось верным. Леонтий Тимофеевич не просто всю жизнь трудился — он был влюблен в землю, относясь к ней по-хозяйски строго и по-сыновьи нежно. Трудясь на земле, он верил ей, и земля была к нему щедра. Например, служа в армии за Воркутой, Леонтий Тимофеевич между делом, в свободное время, не обращая внимания на насмешки маловеров, на бесплодной земле зоны вечной мерзлоты упорно обрабатывал огород. И вырастил овощи, хотя в то время считалось доказанным, что расти там они не могут... Вырвать время у Леонтия Тимофеевича для беседы было очень трудно. Не торопясь, он завтракал, пил чай, просматривал газеты и выходил на улицу, обещая: «Сейчас буду назад. Только схожу погляжу, не прибыла ли вода в реки, послушаю, что люди говорят, погляжу, ведрие¹ будет ли сегодня... Сейчас буду...» Не торопясь приближался к изгороди, останавливался над обрывом у реки, оглядывал неохватные заречные дали, перебрасывался с соседями словом-другим и... исчезал. «Дак он ведь без работы жить никовды² не может, — говорит Анна Лукична, — если день свободной — пойдет гдейно³ ле потихоньку, найдет каку ле работу, у кого что ле не получается — встреват, придумыват, чего сделать, как исправить дело. Весь век с людьми ведь робит». Вскоре «сарафанное радио» (как, посмеиваясь, говорят на Печоре) извещало, что Леонтий Тимофеевич «здынул»⁴ безнадежно «засаженный» в большую грязь

¹ Ведрие, ведро — хорошая погода (старинное).

² Никовды — никогда.

³ Гдейно — где (печорское: гдейно, кудайно, чевойно и т. д.).

⁴ Здынул — поднял.

на угоре бульдозер, поддев его бревном. (Перед этим бульдозер тащили «артелью» два дня.) Потом проходил слух, что, пользуясь хорошим солнышком, Леонтий Тимофеевич с бригадой на пожне зароды (стога) мечет; потом — что чинит кому-то перепутанную и порванную сеть; что чинит лодочный мотор сыну; что поехал на тракторе лес волочить... (Между тем нынешняя должность Леонтия Тимофеевича — бригадный кладовщик.) После часу ночи сквозь сон смутно слышалось, как, тихо ступая разутыми ногами, входил в дом Леонтий Тимофеевич, выпивал молоко и укладывался спать. Вставал же по завету якобы еще князя Владимира: до солнца...

Поговорить все же нам удалось. «Ну что я сказать особенного могу? Труд труд находит и за труд заходит — вот вся моя биография... Родился 8 марта 1903 года в семье крестьянина здесь же, в Боровской. С малых лет стал робить: косить, да кучить, да метать, да пахать, сеять — всяка така работа. Братья мои поезжали все, а я дома остался: всё хотелось крестьянство мне развить, на земле поработать... С отцом своим жил до 1924 года. Старины? Старины от деда выучился, от Семена Денисовича Чупрова. Нынче забыл. «Сокольника» да «Бутмана» помню вот... В 1928 году (еще тут у нас о колхозах и вести не было) организовались мы вместе — семь хозяйств, купили у государства косилку да две гребилки (ездил уполномоченный по продаже). Стало у нас «машинное товарищество». Возглавлял его я. Это было первое «машинное товарищество» в районе. Коллектив первый. Два года вместе работали. Смеялись над нами наши же, которы побогаче: мол, не получится у вас, не помиритесь, роздеретесь. Ну, мы свою правду доказали! Сено все делили, не по рабочим, а по едокам в семье, а сверх того за работу выплачивали каждому, что работа стоит. Потом колхоз у нас орга-

низовали. С тех пор всю жизнь роблю на людей. В 1932 году на ликбезе учился. До того ни читать, ни считать, ни писать не умел. Теперь не обижаюсь. В колхозе меня бригадиром поставили (тут всегда в Боровой бригаде была). Первое место держал всегда и по урожаю, и по надою молока. В 1935 году направили меня в Усть-Цильму учиться в районную колхозную школу (РКШ). Кончил ее в 1936 году, поставили меня в Оврамовской работать заведующим животноводческой фермой. До 1938 году работал, а потом — опять же в Боровскую бригадиром: тут хозяйство стало отставать, дак чтобы поднял. Работал так до 1942 года, а потом до 1946 года в армии служил в Воркуте. Огород там маленько развел дак... Хозяйская жилка, видишь, у меня, так потом поставили в армии хозяйством заведовать тоже. Ну, а с 1946 года дома уже. Опять зав. фермой в Оврамовской, потом снова сюда бригадиром перебросили. С 1957 года — конюхом, фуражором. И в магазине одновременно работал. Всякой работы бывало. Ныне уж кладовщиком. Так в труде жизнь и прошла. Не жалею. До шестидесяти годов никак я не чувствовал в себе изменения — все будто молодой. Нынче стареть стал. В уме смелость есть, а из себя — не всегда получается. Смелой я ведь был, ничего не боялся ни на земли, ни на воды. Сильной был. Охотился тоже, зверя промышлял, птицу, рыболовством занимался, но считал, что земля — она лучше: она всегда что-то даст, не выдаст, если робишь с ней».

Рассказывая о себе, Леонтий Тимофеевич был необыкновенно серьезен, будто «роботу робил». Обычно же он остроумен и весел, ослепительно белозубая улыбка часто освещает его бронзовое лицо... Анна Лукична моложе мужа — 1912 года рождения. «Я ведь походила за него двадцати двух годов, на четверых детей, за вдовца. Жонка у него хороша была —

померла. Остался, бедной, дак... Я сама-то Оврамовська, знашь ведь — 10 километров вверх по Шжмы отсель... Богатеи прежь наймовали¹ бедных на роботы — дак мати, бедна, меня все за собой возила с трех моих лет. Потом меня с дедком-бабкой оставила, а сама по роботам ходила. Нынце ведь женщине всё дозволено, она больше мужчины может заробить, если захочет. А тогды ведь прежь не тако время было: где цё заробишь?... Я в колхози сперва була телятницей — и телят и овец обряжала. Потом дояркой стала. Всего-то обряжалась двадцать пять годов. Во время войны на сенокоси робили, приедём с сенокосу — сразу жито жнём, потом — колхозну картошку убираем, потом до января жито молотим. Мужиков в войну не было, так по три-четыре роботы на одну бабу робили.

Живём хорошо. Всегда уж мы с Леонтием Тимофеевичем почитали друг друга. Остарели уж, внуки есть, а он меня все Анной зовет, а я его — Леонтием. Про наших-то детей запиши...» Большая, грузная Анна Лукична вдруг словно помолодела, полуприкрытые тяжелыми веками глаза распахнулись и засветились ясной голубизной, а загорелое широкоскулое лицо, обычно притягивающее выражением почти загадочного спокойствия (будто какая-то своя, никому не открытая дума всегда думается), озарилось такой же белозубой, как у мужа, улыбкой: «Леониду-то нашему уж 30 лет. В Ленинграде учится. В аспирантуре, по сельскому хозяйству чёё ле учится. Вот уж не замогу сказать, как называется: вроде Академия кака... Нет. И жонка там же учится. Сынок да дочка у их. Вот смотри фотку, каки баски² детки... Алексей — тот в зооветеринарном техникуме в Сыктывкаре, скоро закончит. Практику нынче

¹ Наймовали — нанимали.

² Баской (баска) — красивый, хороший, ладный.

проходит дома, в своей бригады, здесь. Наташа, младша, — в Сыктывкарском медучилише... Сыновья у нас к труду приуцены. Старины? Старин-тих, былин, в Оврамовской еще дивно слыхала. Где ле по застолю старики запоют, перёд ведут, а им сзади артелью помогают. Я уж сама-то стала петь с Леонтием, от него и училась».

Судя по многим рассказам, подтверждающим коллективное исполнение былин на Печоре, пение супругов Чупровых в известной мере отражало традиции старинного «артельного» пения. Леонтий Тимофеевич начинал каждую строку один, Анна Лукична подхватывала напев, варьируя его, и неизменно строку заканчивала уже одна. Притом на последний, протянутый слог каждой предыдущей строки «накладывалось» начало последующей строки (см. нотный пример № 3). Судя по этому дуэтному исполнению (а также по опубликованной в «Былинах Севера», 1938 г., записи варианта этой же былины в исполнении семейного ансамбля Еремея Прововича Чупрова), прежнее хорошее пение старин являлось совершенно особым массовым вокальным жанром, отличным от песенного.

Музыкальная интерпретация былины напоминала бесконечное чередование равномерных приливов и отливов. Каждая строка «зачиналась» одиноко звучащим голосом и, стремительно наращивая количество голосов (а значит, и мелодических подголосков), к концу своему вздымалась на гребень многоголосой кульминационной волны и, как бы обрушиваясь, рассыпалась, снова оставляя звучать лишь один голос... Вот что мне довелось понять и услышать в пении супругов Чупровых. Леонтий Тимофеевич пел очень энергично, с напором, с каждой строкой все более увеличивая напряжение чуть хрипловатого голоса. Анна Лукична, нарядная, в старинной радужно переливающейся фиолетовой шали,

со множеством цепей на груди, пела, почти не раскрывая рта, подперев щеку ладонью и застыв, словно изваяние. Подчеркнуто бесстрастный, но напряженный, «белый» звук ее голоса, рождающий странное, почти осязаемое ощущение реального прикосновения древности, непонятным образом гармонировал с живым, неуёмным пением Леонтия Тимофеевича.

Былина «Илья Муромец и Сокольник» в исполнении Л. Т. и А. Л. Чупровых помещена в «Былинах Печоры и Зимнего берега», текст № 51, нотное приложение IX, запись Н. П. Колпаковой. (Тогда, более 10 лет тому назад, с ними вместе пел 72-летний старик Маркел Маркелович Чупров.)

Вторая былина их репертуара — «Бутман» — более позднего происхождения (также опубликована в «Былинах Печоры и Зимнего берега»). В ней очень заметно снижение образа героя по сравнению с центральными персонажами русского эпоса. Горький пьяница Бутман проводит время в царском кабаке, «из рецей Бутман да вышибаетце, сам собою он да похвалаяетце». Он одержим одним желанием — «пить безденежно вина да бескопеечно». Как отмечает еще Ончуков, «Бутман» был распространен именно по реке Пижме.

*

Писать о Еремее Прововиче Чупрове очень трудно. Нужно было бы найти единственно правильные, истинные слова. Биография его настолько лишена внешних событий, что можно было бы уместить ее в несколько строк: всю жизнь трудился, охотился; кроме единственной поездки в Архангельск, нигде «на веку» не был; вырастил и выучил крупнейшую семью; неграмотен; поет «Илью Муромца и Сокольника» и «Бутмана», знает множество песен; еще и сейчас охотится и рабо-

тает; живет среди детей и внуков, глубоко уважающих его и жену.

...Еремей Провович на первый взгляд суров. Разве может не быть суровым «вековечной охотник», долги-ми осенними и зимними месяцами в полном одиночестве в глухом лесу «промышлявший» зверя, живший в курной крохотной избушке, «добывавший» медведей из берлог, уходивший звериными тропами на далекие, «нездешны» реки, встречавшийся с чужими, «нездешними» охотниками, с которыми его связывала особая, охотничья дружба...

Но когда лицо Еремея Прововича озаряется добротой к людям, его глубоко посаженные голубые глаза становятся по-детски чистыми, а углы узких губ чуть трогают едва заметная застенчивая полуулыбка. Когда он шершавой ладонью, похожей на кору дерева, легко прикасается к стриженому затылку маленькой внучки, в нем что-то расцветает.

Когда он обращается ко мне со словами: «Куда ж ты, дочка, забралась, в эку даль? Вот како беспокойство людям! Кабы знал, сам бы уж выбралсе лучше на старости лет в Москву, чтобы вам не тревожиться», — это говорится не «для вежливости», а очень всерьез. Еремей Провович не говорит и не делает ничего необычного, но в каждом его слове, жесте, взгляде — движение души. И это воспринимается как праздник. Вот он легкой, совсем молодой походкой движется по лесу, высокий, стройный... Вот он низко нагибается, собирая ягоды, и становится похожим на сказочного старичка-лесовичка, которого трудно отличить от мшистых кочек.

«Сюда мы пойдем, здесь совсем близко, а голубель¹ должна тут быть. Здесь никто не ходил. Почём знаю?

¹ Голубель — так на Печоре называют голубику.

А по траве. По мху. Я все знаю в лесу. Куды б ни зашёл — на веку не блуживал... Вот она, голубель. Кушיתי на землю одолило ягодами. Голублёв ягодник. Она тут, ягода, на ягоднику одна живет... Вот видишь, это уже кто-то пасти насторожил¹ на тетёру. Своедельны пасти. А тут лес горел. Это в нонешню войну было. Сушь велика была. Теперь только пошли в рост березки молоденьки...

С ранних лет я лес начал узнавать: отец охотник был и меня на охоту учить стал. Как только замог я ружьё носить — так и стал ходить на охоту, лет с двенадцати. Грамоты вот только отец нисколь не подучил меня. Так и осталсе. Потом некогды учиться было: семья, промышлял все да робил. Сколь зверя добыто на веку! В берлогах медведя находил не раз, добывывал; удивляюсь, почему на воле мне ни разу сам не показалсе. Медведица давне жонку мою Параню Савельевну всю ночь продёржала, не дала ей с места сойти, дитяшей сторожила (на пожню мы ездили, жонка за малиной пошла дак), потом только пароход как заревёт утром! — медведица и убёгла. Я три дни караулил с ружьём потом — не показалсе. Удивляюсь...

Сам ведь я родом Оврамовськой. Недавно всех людей оттуль переселили сюда, в Борову. Все мы однородци тутка, и оврамовськи, и боровськи. От двух братьёв все пошли, Оврама да Исака, — первы засельщики здешни. Откуль были они — вот не знаю уж; старики не сказывали, значит, бат, из здешних близких мест. Тут они приехали в Боровську, ей заселили, пожили. Потом стали жеребей метать, кому отъехать отсель (не знаю уж, пощойно у них так получилось). Жеребей Овраму выпал. Он отъехал и зажил выше. Там

¹ Пасти насторожить — поставить капканы.

и стала Оврамовська деревня. У Оврама семь сынов было: два Ивана, да два Василья, да други еще. Один Василий — мой дед, он старин не певал. Не знаю, пошто не считал нужным. Второй Василий-от, нашему дедке брат, дивно старин да сказок знал¹. Другой брат ему, Емельян-дедко, — тоже певал. От них вси-ти старины и переняты. Мой старшой брат Егор все перенимал. Где ле попросят брата спеть старину, а я ему помогаю. Много я знал, да за давностью забыл. Помню, посидки где ле, да дедка Василия либо Емельяна молодёжь созовёт. На посидках тут тебе «виноградий»² припоют дивно; тут тебе рукодельничают, тут тебе кружаются — игрище играют, игрищечны песни поют. Потом зачнут старичка просить. Тот им сказок наскажет три короба. Они слушают да рукодельничают. Потом зачнет передом старины вести, а остальные сзади артелью подпевают... Как же, как же! — конечно, артелью пели. Зачнет старик, а вси помогают; как грянут!.. Видимо, в старинах-тих все забыльно³ сказывается. Ище после сей войны интересовались старинами у нас: на промыслах, в лесах, в избушках пели, сказки опеть сказывали. А нынь замерло... Нас было двадцать рожоных, сёстры-ти нынь вси померли, а братовья — кто померли, кто на войнах пал. Двое нас теперь — я да брат Климофей. Дивно годов-тих ему!.. А мне? Вот уж точно совсем не скажу, но должно быть, 1889 году я... Из-за грыжи действительну не служил (надорвался, вишь, дак не брали) и на войны нигде не попал. На

¹ О «Васе Малом», на которого как на большого знатока «старин» ссылались все на Пижме, пишет Ончуков, к сожалению, почти не сумевший записать от него былин.

² Виноградья — старинные величальные песни.

³ Забыльно — правдиво, истинно; взабыль — вправду.

веку одни раз в городе был — и то неладно... В 1918 году поехали в Архангельско с соседом. Быка забили — дак скотсько мясо продавать. В таку историю попал: возвращался вечером на санях один, да грабители за мной, за мной санными тоже; слышу: «А не уйдешь от нас!». А деньги-ти при мне, мясо-то продано было. Тут я затосковал. Что поделаешь? Каак стегану лошадь! Как ветер засвистала. Ти все дальше, дальше взади остаются. «Ого-го-гой! А не взять вам меня!» Обычно сдержанный, внешне замкнутый, Еремей Провович, неожиданно взмахнув рукой, с такой картинной удалью показал, как обошел разбойников, таким грозным весельем сверкнули глаза, что сам стал похож на настоящего богатыря...

«Всего десять детей у меня. На этой войны три сына сражались: Ларион, Зиновей и Ефтифей, — этот пал. Зиновей нынь в Мурманском служит, ране в Германии служил. Военной. Дочери две — в Боровой. Сынок младшой, Анатолий, с нами тоже живет. Внуком недавно обрадовал. Сын Павел — в Боровой тоже. Дочи Ирина — дояркой в Степановской, Анна — та под Москвой, Антонида — в Вологодской области, в городе Соколе. Все дети выучены, все грамотны. Ларион полковник. В Барнауле живет. Нынь в отставке, работает однако, не сидит без дела. Хорошой он. Приедёт в гости — все старины со мной да песни поёт. Ещё недоростком был — все пел со мной да с дядевьями. До войны приезжали, тоже списывали песни да старины, Анна-та Михайловна была (знаешь ведь её?), так шибко интересовались, що такой недоросток Ларион, а поет как. Нынь пишёт: «Все пою один, не хочу забыть наши старины». Недавно письмо прислал. Покажу, коли интересуешься. Хорошее письмо». Письмо было действительно хорошим. Особенно эти слова: «А я по-прежнему, какой и был, Ларька Ерёмин — в смысле честности,

трудолюбия и справедливости. И я лично радуюсь и горжусь, что у меня такие отец и мать, которые так меня воспитали», — писал немолодой человек «в чинах», отец взрослой замужней дочери.

«Только вот, — неожиданно просто сказал Еремей Провович, виновато улыбаясь, — недолго уж мне жить. Нет, нет, не говори! Я ведь знаю. Медик тоже говорит: «Сердце у тя совсем худо, изношено. Поберегёсси, не будешь робить — поживешь сколько ле, а с тяжкой работой не заживешь». ...Пошто роблю? Видишь, можно и не робить, молоды-ти, дети да внуки, заробят. Так без работы быдто скушно. Тоскно без ей жить. Быдто не хватает чего-то. А за работой и время невидимо пробегает».

Моментами казалось, что Еремей Провович пришел из забытых лесных языческих мифов, в следующее же мгновение он был похож на вольного богатыря, потом — на мудреца и тут же — на самого обыкновенного труженика-старичка, вспоминающего «давнешнее время»... Возможно, секрет непередаваемой притягательности натуры Еремея Прововича заключается в том, что единственной настоящей целью его жизни была сама жизнь. Она же всегда была его единственной религией. Жизнь, понимаемая активно, просто, честно и естественно.

Еремей Провович Чупров принадлежит к тем настоящим артистам, которые, исполняя произведение, сами становятся вторым творцом его. Множество народа, собравшегося в амбар (там стояла аппаратура с «открытым выходом» звука, а запись шла в запертой комнате) послушать старины, стояло молча, сосредоточенно, не шелохнувшись. С первых же звуков сначала негромкого, чуть глуховатого голоса сказителя, запевшего «Илью Муромца и Сокольника», почувство-

валось возрастающее от строки к строке вдохновенное исполнение:

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

4 С воодушевлением ♩=84

Ай, да не близ-ко от го-ро-да, не да-лё-ко же,
Не да-лё-ко от Ки-е-ва, за две-над-цать-то вёрст.
Там жи-ли на зас-та-вы бо-га-ты-ри.
Ка-ра-ву-ли-ли-хра-ни-ли-столь-ней Ки-е-в(ы)-град

Еремей Провович пел, слегка облокотясь на стол, подавшись вперед, как бы вглядываясь в оживающие перед ним события. Глубоко сидящие глаза его стали еще необычнее: в них светился луч воли, будто прорезывающий даль веков, и в то же время взгляд их как будто был обращен внутрь, в себя. Это делало его похожим на великого зрячего — слепца Гомера. Сходство это еще больше подчеркивали идеально прямая, античная линия невысокого крутого лба и носа и мягко обрамляющие лицо не по-стариковски темная шапка волос и небольшая округлая борода. Дикция у него идеальная.

Не туман, видит, в поле колыбается —
Видит, ездит богатырь, забавляется:
Он кверху-то стрелочку постреливат,
На сыру землю стрелку не ураниват,
На лету эту стрелочку подхватывают.

Л. Т. и А. Л. ЧУПРОВЫ

Е. П. ЧУПРОВ

Напряжение исподволь все растет, растет. Во второй половине некоторых строк сказитель почти незаметно для слуха слегка повышает строй, на какие-то доли, зачастую гораздо меньшие различимой $\frac{1}{4}$ тона. В результате такого неоднократного незаметного повышения каждый последующий эпизод оказывается спетым на полтона выше предыдущего, следующий — еще выше и т. д.

В соответствии с тесситурой, тембр голоса становится все ярче, светлей, нарастает сила звука. В переломные моменты развития сюжета, когда какие-то краткие, напряженные мгновения решают дальнейший ход эпических событий, сказитель иногда без предварительной постепенной подготовки сразу сдвигает строй на полтона (или даже на тон) вверх. Например, благодаря такому внезапному тональному сдвигу, слова Ильи Муромца, будящего спящих богатырей (приближается неизвестный враг), звучат в устах Еремея Прововича подобно фанфарам, возвещающим тревогу:

Подъезжает богатырь ко белу шатру,
Да подбросил он грамотку старому казаку.
Да берёт-де старой да ету грамотку,
Да заходит старой дак во белой шатёр,
Заревел-закричал он громким голосом:
«Уж как не время спать, да нам пора вставать,
От великого сону пробужатися,
От великой хмельники просыпаться!»

Такой же внезапный тональный сдвиг происходит в момент падения Ильи Муромца во время поединка с Сокольниковом. Этот драматургически оправданный прием сказитель использует здесь для того, чтобы еще более сгустить атмосферу трагической ситуации (ведь идет поединок отца с сыном, которые никогда не видели друг друга; сын готов убить отца).

А не две тут ведь тучи столкнулися —
Два богатыря тут да солеталисе,
Задрожала тогда да мать сыра земля.
Они бились, боролись первы суточки,
У их сабельки все да исщёрбалисе, —
Они бросили тот бой да на сыру землю,
Да и выхватили палицы тяжелыя.
Они бились, хвостались вторы суточки,
У их палицы все да обломалисе, —
Они бросили той бой да на сыру землю,
Да скочили тогда да со добрых коней,
Да схватились они тогда в охабочку¹.
Они бились, боролись третьи суточки.
А старого похвальнё слово спутало:
Одна-та нога да подкользнуласе,
А втора-та нога да подломиласе,
А столкнул Сокольник на сыру его землю,
Да розёрвал он латы да богатырьския,
Да и вытащил чинжалищо² булатноё,
Замахнулсе старому да во белы груди.

Чем дальше, тем напряженнее исполнение. Слушатель будто введен властной рукой в самую гущу титанических событий. Кажется, все чувства сказителя напряжены до грани человеческих возможностей. Но он сидит спокойно, в той же позе, что и в начале записи. Только голос его звенит, как туго натянутая тетива. Окончание былины Еремей Провович «сказывает сказкой», пение обрывается на кульминации развития сюжета (Илья Муромец узнает в своем «поединщике» сына). Но рассказ его значителен, полон внутренней силы, искусство Еремея Прововича захватывает слушателя. «...пел он во весь голос, страстно, упоенно, — я вживе ощутил героический накал эпической поэзии, эту бурю страстей, это величие характеров, способных только так, напролом и до конца, идти во всех своих

¹ Охабочка — охапка (печорское).

² Чинжалищо — кинжалище.

делах, вернее — деяниях; этот ослепительный гнев и безмерное благородство, пережившие десять столетий трудной нашей «классовой» истории, сохраненные крестьянами как память и надежда, вековая крестьянская вера в свое конечное торжество и бессмертие», — пишет Д. Балашов («Север», 1965, № 3. «Печора и ее сказители»). «Ничего похожего на исполнение былин Е. П. Чупровым — по мастерству, темпераменту, творческой манере сказителя — не встретилось ни в одной среднечорской деревне» («Былины Печоры и Зимнего берега», 1961, стр. 24).

Остается вместе с Еремеем Прововичем пожалеть, что пел он один, а не с сыном Ларионом, и предложить вниманию читателя нотацию многоголосного исполнения этой же былины семейным ансамблем Чупровых в 1929 году (Астахова. Былины Севера, I том, 1938, запись и нотация Е. Гиппиуса).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

5

Ай да не близко от го(у). рода не да . лё - ко (у) ж не

Не . да . лё . ко(у)от Ки - е . ва за две . на . дцать вёрст

* Цифра 8 под скрипичным ключом означает — октавой ниже,

Там и жи - ли на за - ста - вы бу - га - ты . ре,

Ка - ра - ули - ли - хра - ни - ли столь - нёй Ки - ев да град

*

Оба капитальных академических издания, значительная часть которых посвящена эпосу Печоры (Астахова. Былины Севера, I том, 1938, и «Былины Печоры и Зимнего берега», 1961), не содержат исчерпывающей характеристики музыкальной стороны былин. Тем более невозможно дать ее сейчас, когда эпическая традиция Печоры почти угасла. Большинство имеющихся в нашем распоряжении нотаций печорских былинных напевов говорят о том, что они связаны «со старым слоем героических былин; это напевы типа, описанного Масловым» (статья Е. Гиппиуса и З. Эвальд «Несколько замечаний о напевах мезенских и печорских былин»; Астахова. Былины Севера, I том). Характерной особенностью этого типа былин является 12—14-сложный стих с тремя основными ударениями. Как верно отмечено в этой же статье (несмотря на значительное количество бывшего в распоряжении исследователей музыкального материала в сравнении с изданием 1961 г.), характерной особенностью печорских

напевов «полного эпического размера» является однострочность напева, соответствие одной строки текста напеву в полном его объеме; напев никогда не расчленяется, что коренным образом отличает музыкальный строй печорских былин от заонежской традиции. Напев на Печоре варьируется только в целом, а не путем вычленения, развития и перемещения отдельных звеньев него, как это встречается опять-таки в Заонежье.

Как правило, в процессе исполнения былины неравносложные строки текста (укороченные или удлиненные) укладываются на нерасчленимый напев. В этих случаях одинаковая протяженность напева достигается несколькими путями. Например:

1) Укороченная строка удлиняется до нужного размера вставкой частиц *-де, ле, -ка, о де* и т. д. или огласовкой¹ согласных звуков, которая фактически увеличивает количество слогов; или укороченная строка опять-таки укладывается в напев путем стяжения большего количества длительностей и образования мелодически распетых слогов.

2) Удлиненная поэтическая строка укладывается в напев, тоже не меняя его протяженности, или путем дробления длительностей на более мелкие:

6

Там жи . ли на за - ста - вы бо . га . ты . ри .

Ка . ра . ву . ли . ли - хра . ни . ли столь . нёй Ки . е . в(ы) - град

¹ Огласовкой согласных называется присоединение к согласным «играющих» гласных — чаще всего *ы, и, е, о*, — выделяющее согласные в самостоятельные слоги; огласовка является одним из художественных приемов народного творчества, широко распространенным в песнях всех славянских народов.

В данном случае в один и тот же напев уложены 11-сложная и 14-сложная строки (см. нотный пример № 4); тот же эффект достигается путем дробления на несколько слогов ранее слитного мелодического оборота.

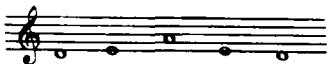
Однако все вышесказанное отнюдь не позволяет сделать вывод о подчинении текста напеву в печорских былинах, хотя таковой вывод очень выигрышно противоречил бы принятому многими мнению о подчиненной, несамостоятельной роли напева в северных былинах.

Оба этих вывода (как о подчинении напева тексту, так и обратный) в корне неверны. Достаточно свыкнуться с былинами, вслушаться в них, чтобы почувствовать, как поэтический текст и напев живут единой жизнью, будто помогая один другому и выручая друг друга. Сказитель ежесекундно корректирует напев текстом и наоборот. Их так же невозможно и не нужно отделять, как нельзя отделить хороводную игру от пения хороводной песни, или пляску от пения плясовых песни, или обряд от обрядовых песен.

За исключением более позднего балладного «Бутмана», былины сказителей, которым посвящен настоящий очерк, относятся к пласту старых героических былин «полного эпического размера» (12—14-сложник с тремя ударениями).

Что касается интонационной основы печорских былинных напевов, сейчас уже невозможно полно и достоверно судить о ней — опять-таки потому, что приходится ограничиваться имеющимися записями (не надеясь на новые), которые — лишь малая часть былой обширной сокровищницы эпоса. Тем не менее нелишне привести отдельные наблюдения. Музыкально-выразительные средства напевов былин Печоры разнообразны и богаты. Но если вживаться, вслушиваться в, кажется, совсем несхожие напевы разных сказителей, то еще больше пора-

жает другое — удивительное родство при разнохарактерности. Достаточно было транспонировать все опубликованные (и последние, наши) нотации напевов в одну тональность для большего удобства анализа, разместить их один под другим, чтобы увидеть очень простую и тем более интересную вещь: значительная часть напевов — даже те, на несходство которых ссылались исследователи, — по образному печорскому выражению, были «однородцами» (к сожалению, рамки очерка не позволяют привести таблицу анализа напевов). Интонационным «каркасом» мелодики многих родственных напевов, опорными точками их, служил следующий оборот:

то есть трихорд в тонической квинте с выделением квартового хода через вторую ступень. Причем чаще всего начиналась былина именно этим мелодическим оборотом: I—II—V, а возвращение ко II ступени было или скачковым, или поступенным, или с постепенным «узорчатым» заполнением интервала; дальнейшее развитие мелодики фактически являлось развитым кадансированием на тонике. Часто в тоническом кадансировании участвовала в качестве «опевающей» VII ступень. Квинту сверху иногда «опевала» VI ступень, не имевшая, очевидно, поначалу права ладового гражданства. Но постепенно, с общей поздней романтизацией эпоса, она начала иногда выполнять роль одного из опорных тонов (см. напев «Бутмана», XI, стр. 512, «Былины Печоры и Зимнего берега»), в результате чего характерный ход на чистую кварту II—V заменился романтически надломленной интонацией тритона II—VI

в миноре (например, в «Бутмане»). Вот обобщенная схема лада, основанного на квинтовом трихорде (целыми нотами обозначены опорные звуки):

К напевам этой группы принадлежат былины Вокуева и Лагеева.

Другой пласт напевов тоже интонировался в квинте, опорными ступенями его были I—IV—V (как бы предыдущий трихорд в «опрокинутом» виде):

К этой группе принадлежат напевы «Ильи и Сокольника» Е. П. Чупрова и Л. Т. Чупрова. Древняя основа такого рода квартово-квинтовых мелодических соотношений явственно проступает во многих напевах, помещенных в нотных приложениях «Былин Печоры и Зимнего берега». Кроме того, очевидно, некоторый слой былинных напевов основывался на секстовом звукоряде:

(см. там же напев XXIV, «Садко», и XXV, «Про Добрыню», стр. 523).

Возможно, наименьший пласт составляли напевы, интонационной основой которых являлись плачи с преобладанием терцовых и секундовых мелодических со-

отношений (см. напев VIII, «Илья Муромец и сила неверная», стр. 509). Но основной группой былинных напевов (судя по сохранившимся и ныне напевам и по опубликованным записям) были квинтовые. В работах «Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов» (Л., 1962) и «Основы ладового строения русских народных песен» (Л., 1964) Ф. А. Рубцов, исследуя напевы, основанные на квинтовых трихордах, приходит к выводу, что эти последние — одни из древнейших звукорядов, имевшие применение в праздничных напевах. Думается, если искать корни происхождения печорских былинных напевов, то естественнее исходить от древних праздничных торжественных песнопений, каковыми былины, в сущности, являлись даже и до наших дней, чем выводить их родословную из более поздних песенных жанров. Интонационное же родство песен и былин столь же несомненно, сколь и закономерно, поскольку и те и другие создавал народ, арсенал выразительных музыкальных средств которого был богат, разнообразен, но един в своей основе.

Еще Ончуков заметил особенное отношение народа к старинам, к их исполнению, как к некоему многозначительному ритуалу, а к сказителям — как к людям, отмеченным особым даром, вызывающим безмерное уважение.

Что же касается хорового исполнения былин на Печоре — оно несомненно. Об этом свидетельствует немало важный факт записи многоголосного исполнения в 1929 году Чупровыми и многочисленные сегодняшние свидетельства очевидцев и участников «артельного» пения. Подголосочный характер многоголосия не дает оснований заменять термин «хоровое пение» термином «ансамблевое», поскольку хоры бывают и унисонными (григорианский хорал, например), не переставая от этого быть именно хорами.

В еще сравнительно недавнее время былины на Печоре были коллективным, хоровым жанром. Процессу исполнения былин придавалось не только эстетическое, но также этическое, идейно-воспитательное, гражданское значение. Старики передавали молодым эстафету памяти славного героического прошлого Отчизны как назидание, нравственный общественный и личный критерий жизненных норм.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- Н. Е. ОНЧУКОВ. Печорские былины. СПб., 1904.
- В. Я. ПРОПП. Русский героический эпос, 2-е изд., М., 1958.
- А. М. АСТАХОВА. Былины Севера, I том. М.—Л., 1938.
- БЫЛИНЫ ПЕЧОРЫ И ЗИМНЕГО БЕРЕГА, отв. ред.
А. М. Астахова. М.—Л., 1961.
- Е. ГИППИУС, З. ЭВАЛЬД. Несколько замечаний о напевах
мезенских и печорских былин. В сб. Астаховой «Былины Се-
вера», т. I. М. — Л., 1938.
- В. Г. БАЗАНОВ. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943.
- Н. П. ЛЕОНТЬЕВ. Печорский фольклор. Архангельск, 1939.
- Я. НОСОВ. Из истории нашего края. Газета «Печорская правда»,
№№ 139—143, 1961.
- Ф. РУБЦОВ. Интонационные связи в песенном творчестве сла-
вянских народов. Л., 1962.
- Ф. РУБЦОВ. Основы ладового строения русских народных пе-
сен. Л., 1964.
- Д. БАЛАШОВ. Печора и ее сказители. Журнал «Север», 1965,
№ 3.

Ю. КРАСОВСКАЯ

СКАЗИТЕЛИ ПЕЧОРЫ

Редактор А. Красинская

Худож. редактор А. Заболотнов

Техн. редактор Р. Орлова

Корректор К. Швецова

Индекс 9—1—1

Подписано к печати 6.I.69 г. А02504
Формат бумаги 70×108¹/₃₂ Печ. л. 2,125 (Усл. п. л. 2,98)
Уч.-изд. л. 2,45 (с вкл.) Тираж 1350 экз. Изд. № 550
Т. п. 68 г. № 457 Зак. 922 Цена 12 к. Бумага № 1
Всесоюзное издательство «Советский композитор»,
Москва, набережная Мориса Тореза, 30
Московская типография № 6 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Ж-88, 1-й Южно-портовый пр., 17.

НАРОДНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ВЫШЛИ И ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

Аксюк С. — Аграфена Оленичева (Серия «Народные певцы и музыканты»)

Витолинь Я. Латышская народная песня (Серия «Фольклорная библиотека любителей музыки»)

Мшевелидзе А. Грузинская народная музыка (Серия «Фольклорная библиотека любителей музыки»)

Народные песни Смоленской области напетые Глинкиной А. И. Сборник. Составитель Г. Павлова

Нигмедзянов М. Татарские народные песни. Сборник
Песни Ольги Ковалевой. Сборник. Составитель Г. Павлова

Пушкина С., Григоренко В. Приокские народные песни. Сборник

Смирнов Б. 100 русских народных песен и наигрышей. Сборник

Специализированные нотные и универсальные книжные магазины Книготорга и потребительской кооперации принимают предварительные заказы на музыкальную литературу.

Оформляйте предварительные заказы в местных магазинах.